Коровин Константин

6.4.2000

Культура. – 2000. – 6–12 апр. – с. 7

Тревожные мечты

Неизвестный Константин Коровин

На третьем этаже недавно открытого Музея современного искусства на Петровке представлены коллекции некоторых художественных музеев России. Они переданы сюда на временное экспонирование, то есть, по существу, являются выставками. Одна из них совершенно уникальная – из Ярославского художественного музея. Это картины Константина Коровина. А уникальна она тем, что показывает произведения 1920 – 30-х годов, когда художник находился в эмиграции во Франции. Творчество этого периода мало известно даже специалистам и почти неисследованно.

Но как попали картины Константина Коровина в Ярославский музей? Почему именно сюда, а не, положим, в Третьяковскую галерею, где почти нет произведений художника этих лет? История эта мало известна и поэтому заслуживает особого внимания. Но по порядку...

Константин Коровин выехал из России во Францию в 1923 году для устройства там выставки своих работ и для лечения сына. Надеялся скоро возвратиться. Однако обстоятельства сложились крайне неблагоприятно – неудача с продажей картин, трудновыполнимые договорные обязательства, болезни. И Константин Алексеевич остается во Франции до конца жизни. 11 сентября 1939 года он умирает в Париже, похоронен на кладбище Бийанкур.

Во Франции Константин Алексеевич живет трудно, его преследуют неудачи, беды. Признается, что живописью прокормиться уже не может. Сильно тоскует по России. "Я видел много стран, – пишет он. – И нигде нет странно печального чувства, необычайного замана, глубокой красоты, мечты тревожной, как в весеннем вечере России..."

И во Франции он остается русским художником. И хотя его творчество не поднялось на более высокую ступень, произведения, им созданные, по-прежнему поражают истинно коровинской живописью, блестящей техникой, виртуозностью исполнения, жизнелюбием и праздничностью. Упадка мастерства, как иногда утверждали, у него не случилось. Тому несомненное подтверждение – "ярославские" картины. Они приобретают исключительное значение еще и потому, что, оказывается, в Париже нет ни одного музея, где можно было бы познакомиться с его работами. Они разошлись по рукам, многие из них исчезли безвозвратно.

Как картины оказались в Ярославле? Это дар городу Гали Николаевны Соловьевой-Барбизан, дочери известного ярославского врача Николая Васильевича Соловьева, память которого до сего времени весьма почитается. Его именем названа больница, около нее ему установлен памятник. Гали Николаевна окончила студию Юрия Завадского, играла на сценах разных театров. В конце двадцатых годов вышла замуж за итальянского инженера, работавшего на одном из советских предприятий, и уехала с ним во Францию. Здесь-то она познакомилась и подружилась с Коровиным. Константин Алексеевич часто бывал в ее доме. В тяжелые для художника годы Гали Николаевна помогала ему чем могла. В благодарность Коровин дарил ей свои работы или же продавал их за бесценок.

– Бери, бери, – убеждал он Гали Николаевну. – Не пожалеешь.

Он оказался прав. Но, конечно, художник не подозревал, что эти его картины попадут на Родину. А произошло это так. В конце 1950-х годов Гали Николаевна решила передать картины Коровина родному городу. Тем более что здесь живут ее дочь – Светлана Богдановна Неведомская, и внучка – Марина Александровна Соловьева. Гали Николаевна приехала в Ярославль, в торжественной обстановке вручила музею картины.

Коллекция, бесспорно, отменная! Прежде всего – "Монмартр вечером" и "Париж. Сен-Дени". Они как бы продолжают серию полотен 1880 – 1900-х годов, созданную Коровиными во время первых поездок во Францию и названную "Огни Парижа". Еще тогда Константина Алексеевича привлекал ночной Париж – в сумрачной синеве неба, в холодном свете газовых фонарей и ярко освещенных витрин, в манящей туманной перспективе улиц, в некой фантастичности "видений", в недосказанности и интимности впечатлений...

Но основу коллекции составляют натюрморты. Как всегда, щедрые, богатые по цвету, проникнутые жизнелюбием и радостью бытия. Художник словно говорит нам: жизнь есть благо, и каждое ее мгновение, каждая ее вещь обладают неповторимой прелестью. Вот любимые им "Розы" и "Розы на фоне моря", "Фрукты и клубника", "Натюрморт с фруктами и бутылкой", "Натюрморт с рыбами", "Натюрморт с омаром"...

Все же в них появилось нечто такое, что их отличает от "русских", будем так называть, подобных произведений. Чувствуется какое-то иное состояние художника, ощущаемое в каждом его холсте, но более всего – во всей коллекции. Тонкий, проникновенный певец русской природы Коровин во Франции все чаще обращается лишь к натюрмортам. И, заметьте, в них исчезают пейзажные, столь обычные в ранних его натюрмортах фоны. Предметы, в них изображенные, существуют как бы сами по себе, они оторваны от настоящей жизни, которая уже не столь остро и взволнованно принимается художником, они никак с нею не связаны.

Сужается и тематический диапазон творчества Коровина: к примеру, нам неизвестны портреты, им созданные во Франции. Сторонился ли он людей, не находил достойную натуру? И в живописной технике происходят изменения. Художник стремится к большей обобщенности форм и цветовых пятен. Его краски становятся ярче, светлее, локальнее, но в них пропадают трепетность, взволнованность.

По существу, Коровин повторяет то, что создал в России, то, чему научился на родине. Менее удачно – более удачно. Ярославские его картины – из более удачных. Вероятно, Константин Алексеевич дарил Гали Николаевне лучшие свои холсты. Быть может, даже исполняемые специально для нее или же по ее совету.

В своих воспоминаниях о Шаляпине, написанных за рубежом, Константин Алексеевич приводит слова великого артиста:

"Я куплю имение на Волге, близ Ярославля. Понимаешь ли, гора, а с нее видна раздольная Волга, заворачивает и пропадает вдали... Я завещаю похоронить меня там, на холме..."

И такой беспредельной тоской по русским, ярославским местам веет от этих слов! Будто бы не о Шаляпине – о себе думал Коровин. Не предполагал он, что картины, исполненные им тогда, когда писались эти строки, попадут именно в Ярославль. Из окон зала, в котором они экспонируются, открывается вид на волжское раздолье.

К.Коровин. "Париж. Сен-Дени". 1930-е гг.

Евграф КОНЧИН